

С ижу в ресторации в большой компании. Хлебаем щи. "Щит?" — удивленно спрашивает присутствующая американка. "Щи, — поправляет ее мой сосед по леву руку. — Щи в переводе с татарского — "кислый". А тютелька в тютельку — "грядка в грядку" (это, видимо, уже мне). — "Да-а, — тяну многозначительно. — Татаро-монгольское иго сделало свое грязное дело в русском языке". И тут же под столом мне наступают на ногу: "Ты с ума сошла, славянофилка фигова! Это же Ренат Ибрагимов — тот самый!"

Застрелюсь, думаю, а интервью с ним сейчас же сделаю. Имя его известно каждому гражданину, находящемуся в здравом уме и твердой памяти. Но человека-то при всем при этом вот уж лет 10 вообще нигде не видно и не слышно... К тому же меня всегда привлекали мусульмане: знаете, твердая мужская рука, жестокие взгляды и все такое прочее.

— Умоляю: простите, что сразу не признала. Единственное, что накрепко сидит в памяти, — ваше имя...

— Ну, просто все это связано с перестроенным временем. Почти не стало теле- и радио-эфиров. Музыкальные передачи изменились. По форме, содержанию, направлению и по смыслу своему. В них нет места тому амплу, в котором работаю я.

— У вас другой формат. Вас теперь все больше за рубежом можно увидеть, и все больше на оперной сцене. Но как-то вы резко со сцены нашей исчезли: были, были, а потом раз — и нету. Вы чем свободное время стали забивать?

— Работой. Участвовал в музыкальных фестивалях. Песни писал. В фильме "Итальянский контракт" снимался — его года два назад по ТВ показывали.

— Я вот слышала, вы еще живописью увлекаетесь.

— Живописью я раньше занимался.

— И выставлялись где-нибудь?

— На национальных и республиканских выставках. Я уже давно ничего не пишу — последние работы делал году в 85-м.

— Где же вы свои картины храните?

— Что-то подарил, что-то у меня купили. Но основная масса сгорела на даче.

— Вы где сейчас живете?

— В Америке говорят: "Дом там, где работа". Но Америка — это другая страна. У нас дом — там, где корни. Я татарин, значит, и родина для меня — Татарстан.

— В Казани? А ваша любимая площадка, говорят, в Москве. И почему-то "Россия", а не Театр оперетты или там филармония...

— Я как-то привык к этой площадке. Я на ней очень много работал и практически месяцами жил при ней — в гостинице "Россия". Хорошая площадка, хороший звук, хороший коллектив. Я знаете как на ней дебютировал? После моего выступления в какой-то программе должен был выйти Соловьев-Седой, а я в то время увлекался репертуаром Бабаджаняна и пел магомоевские песни. Помню, спел одну популярную песню — "Благодарю тебя". И, видимо, очень старался. А ушел за кулисы — и встретил Соловьева-Седого, который мне сказал: "Хорошо поете. Только, молодой человек, что же вы так кричите?"...

Н-да... Но (возвращаясь к вопросу о родине) по большому счету я — человек интернациональный. Космополит. Я чувствую комфорт в любых условиях, в любом городе и в любых ситуациях. Главное, наверное, люди. С которыми тебе интересно. Для меня вообще сейчас главным стало духовное начало, а все остальное ушло на второй план.

— И давно у вас произошла такая переоценка ценностей?

— Основным переломом для меня стало открытие веры бахаи. Где-то в 91-м году. Бахаи — это прогрессивная религия, вышедшая из мусульманства.

Далее идет долгий рассказ о новой религии. В Ибрагимове чувствуется усталость много повидавшего человека, которого уди-

вить невозможно (ну разве что вызвать снисходительную улыбку) и который нашел успокоение в каком-то принятом давным-давно решении. В нашем разговоре он часто поминует Бога.

— Нельзя спорить, какая религия самая главная, нельзя одну религию сравнивать с другой. Мы — листья одного дерева. Я всегда посещал храмы, присматривался к разным религиям — из праздного интереса. Ходил и в церкви, и в мечети, и в католические храмы. А потом у меня появилось какое-то осознанное чувство религии. Хотя я и сейчас хожу в разные храмы.

— И Богу молитесь?

— Конечно. И на татарском, и на арабском языках, и на русском. Все равно слова одни и те же повторяются.

— Мне кажется, что все эти жизненные перемены, о которых вы рассказываете, изменили еще и ваше окружение. Много людей, наверное, потеряли?

— Да как-то незаметно все это произошло. Я ко всему этому старался относиться спокойно. Я даже был равнодушен ко всем своим званиям народного артиста.

— Только не говорите мне, что вы спокойно восприняли спад своей бешеной популярности.

— Спокойно. Таких спадов — не обязательно популярности — у каждого человека в жизни штук по 10 бывает. Я провожу такие приступы мизантропии в работе. Тогда я отвлекался на живопись — она мне очень здорово помогла. Ходил на этюды, занимался в мастерской. Все эти смены настроения, переломы — это скорее возрастное. Но это — проходящие этапы. У нормального человека все это должно быть. Потом нужно все проанализировать и сделать вывод. И тогда все будет замечательно. Главное — спокойно пережить очередной этап. Утро вечера мудренее.

— Вы вообще производите впечатление такого... э-э-э... расслабленного человека. Вот сидите, говорите даже без тени эмоции.

— (Смеется. Наконец-то.) Я на сцене эмоциональный. А в жизни... В жизни, я считаю, нужно относиться ко всему спокойно. Раньше я, конечно, был энергичнее и резче. Часто был неправ. (Смеется.) Вспыльчив. И даже очень, о чем потом жалел. А сегодня меня трудно вывести из себя. Я стараюсь отделаться шуткой или что-нибудь говорю себе — например, "это ерунда по сравнению с мировой революцией". И сразу все становится на место. Была проблема — и нет проблемы.

— Вы, наверное, не только в деловых вопросах эмоциональным были?

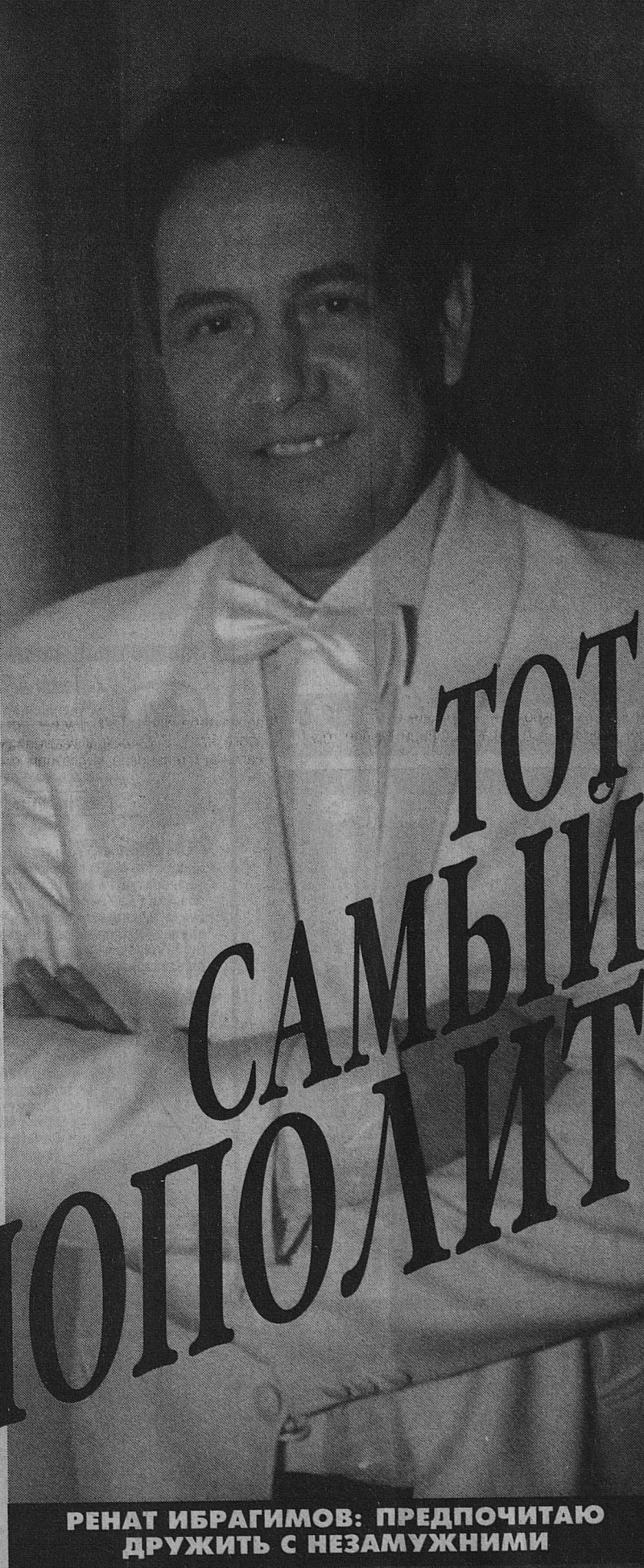
— Ну, конечно, не только. И в семейных тоже. Но пришел жизненный опыт — сейчас я вполне счастлив: у меня второй брак и четверо детей, младшему — два года. Я им помогаю, контролирую. Потому что трудностей в нашей жизни хватает. За двойки я их не ругаю — я ругаю их за неправильное отношение к людям. А двойки — это условность.

— И что, по-вашему, правильное отношение?

— У меня есть свои жизненные установки. Например, относись к человеку так, как будто он твой лучший друг. Даже во враге нужно найти частицу добра, и тогда эта частица начнет увеличиваться. Или, вот, например, каждый

Носок. Коме. Мочу. —
1998. 23 янв. —
С. 6.

КОСМОПОЛИТ

РЕНАТ ИБРАГИМОВ: ПРЕДПОЧИТАЮ ДРУЖИТЬ С НЕЗАМУЖНИМИ

день должен быть праздником.

— Вы пытаетесь насладиться каждой минутой?

— Конечно. Жизнь нельзя переписать заново. Бог создал нас такими, какие мы есть. И на плохом нельзя акцентировать внимание. Тогда всегда будет хорошее настроение. Если я буду заострять внимание на своих проблемах, на каких-то болях, — во что я превращусь?

— Подозреваю, что в связи с этим вас многие пытаются эксплуатировать в качестве "жилетки".

— И что? Я всегда внимательно выслушиваю людей и всегда могу посочувствовать. Если сейчас плохо — впереди будет лучше. Закон жизни. А нравочать, поучать и наставлять нельзя. Это тоже мое правило. Наставлять и наказывать может только Бог.

— Вы говорите так, как будто вам приходилось наказывать...

— В молодости. Наказывал часто и много. К сожалению, умные мысли приходят только с возрастом.

— Да? Так у вас как у "выездного", нужно думать, сплошные проблемы с таким характером были.

— Раньше все отношения строились по принципу "нравится-не нравится". На телевидении, например, нужно было искать подход к человеку, от которого зависит твоё появление в эфире. Я не всегда делал такие вещи, которые нужно было делать, — ну-у-у, например, забывал привезти сувенир из-за границы. Не хватало времени, ума, соображения. Потом даже могли сказать: "Вот какой он жадный!". Это были проблемы здесь. А с выездом у меня никогда проблем не было. Я первый раз выехал, еще будучи студентом консерватории. И с тех пор я всегда был уверен в себе и своих творческих силах. И я всегда, несмотря ни на что, знал, что без меня программа не обойдется — выступят.

— Вы, когда гости собираются, поете?

— Стараясь этого не делать. Пение — это же моя профессия. Хотя музыку я очень люблю.

Не долбленную, а такую, где мелодия, лирика, романтика.

— К чему еще можно отнести ваше "люблю"?

— Я люблю баню. Русскую парную. С веником. Немножко водочки, соленый огурчик. Я обожаю хороший пар. В бане главное — хороший пар и настроение. Поэтому в бане нельзя напиваться. Исключить курение. Не ругаться. И очень полезно в бане петь. Звуки как бы становятся лечебными. Даже есть такое поверье, что определенный звук, пропетый в бане, лечит определенный орган. В бане много всяких примочек — веник, настойка...

— Вы, что ли, сами веники вяжете?

— Летом стараюсь это делать обязательно... У меня на даче есть своя баня. И мы обычно собираемся — человека 2-3. Большой компанией париться неудобно: нужна умиротворенная тишина, дрема такая.

— Вы небось от поклонниц, как от мух, отмахивались?

— Особо так и не было. А что плохого в поклонницах? Когда я был помоложе, наоборот, пользовался тем, что они есть. Я ухаживал за ними, мы встречались, проводили вместе время. Получали взаимное удовольствие от общения. Как положено — а почему нет?

— Как же вы такие вещи журналисту говорите?

— Так я же говорю: когда я был помоложе.

— Ну да... Ведь вы — мусульманин. У вас особенное отношение к женщинам. Она должна знать свое место и так далее. А вот если у вас пуговица на пиджаке оторвется, вы наверняка...

— ...если рядом будут нитка с иглой — сам могу пришить. Вы, кстати, замужем?

— А какая разница — замужем барышня или нет?

— Большая разница. Я предпочитаю дружить с незамужними.

Вика САРЫКИНА.
Фото Александра АСТАФЬЕВА.